

Геннадий
РАЗУМОВ

**ЛИЦОМ
К ЛИЦУ**
СО ЗНАМЕНИТОСТЯМИ

Геннадий Александрович Разумов

Лицом к лицу со знаменитостями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56556485

Лицом к лицу со знаменитостями:

ISBN 978-1-64945-022-7

Аннотация

Из десяти человек, идущих сейчас по улице, может быть, только один помнит, как коптит керосинка на кухне и скрипит пластинка на патефоне. Автор этой книги тот самый.

Но помимо примусов, радиоточек и промокашек перед глазами его памяти настойчиво маячат золотые погоны усатого генералиссимуса, тонкие листки письма И.Эренбурга, глухие стены усадьбы М.Шолохова и другие свидетельства случайных и специальных, прямых и умозрительных встреч автора с рядом знаковых фигур XX века.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	10
Глаза в глаза с вождем народов	10
Шаляпин – Шелепин – Шеляпин	15
Как я не попал к тов. Сталину	20
Тайны кремлевского двора. Лёня Алилуев	25
За кожаной кепкой Лужкова	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Геннадий Разумов

Лицом к лицу со знаменитостями

*Нельзя зачеркивать прошлое оттого,
что настоящее на него непохоже.*

Голда Меир

Предисловие

Как стать знаменитым

Кто-то живет большой птицей – пеликаном, аистом, журавлем. В стройном ряду таких же он летит высоко, далеко и, что важнее всего, – целеустремленно. У него одна прямая дорога, без отклонений, разветвлений, завихрений.

С таким свойством человек становится академиком, генералом, директором или ... президентом.

Цельность – одна из главных черт характера, необходимых для достижения успеха в публичном признании.

Но вот я свою жизнь прожил мелкой птичкой – суетливым воробышкой. Летал туда-сюда, сюда-туда, прыгал с одной ветки на другую, беспрерывно порхал и никакой определенной цели не достиг.

Пробравшись в науку, я поначалу серьезно приник к теории фильтрационных расчетов и даже удостоился публикации важной статьи в престижном академическом журнале «Прикладная математика и техническая физика».

Но вскоре дифференциальные уравнения мне надоели, и я в переносном и буквальном смысле приземлился – запал на подземный проходческий «крот». Погнался за авторскими свидетельствами на изобретения, медалями ВДНХ, премиями и прочей приятной мишурой. Но со временем те железки мне тоже надоели, и я увлекся другим делом – проблемой спасения прибрежных городов от подтопления.

Одновременно с этим я постоянно отвлекался и еще на что-нибудь: то на метод «тяжелой жидкости», то на конструирование подземной плотины.

Такой же чехардой отмечено и второе дело моей жизни – сочинительство. Будучи кандидатом наук и старшим научным сотрудником, я, естественно, сначала прильнул к науч-попу. Стал регулярно печататься в «Технике молодежи», «Науке и жизнь», «Знание сила» и других подобных журналах. Потом разразился двумя научно-популярными книгами, одна из которых выдержала 7 изданий, в том числе за границей на нескольких европейских языках. Казалось бы, вот прямая дорожка к цели, зачем с нее сходить.

Однако сошел, ударился в фантастику, потом в беллетристику и, наконец, накатал две большие мемуарные саги. И все эти мои затеи густо перемежались журналистикой –

за 22 года эмиграции я опубликовал более 250 статей, эссе, репортажей.

Но и тут не сподобился писать о чем-то одном, определенном. Всякий раз сворачивал с одной темы на другую – то писал о проблеме «отцов и детей», то о «глобальном потеплении» или «здоровье здравоохранения», а то еще о чем-нибудь новом.

Конечно, бить в одну точку правильно, но недостаточно. Нужно иметь еще и важнейшее качество – талант (способности) к тому или иному делу. Это, мне кажется, настолько понятным, что особых разъяснений и не требует. Приведу лишь пару примеров.

В нашем ПНИИИС'е работал этакий целевик, который всю свою жизнь посвятил одному единственному делу – рессорной приставке, уменьшающей вредную вибрацию при работе с отбойными молотками и перфораторами. Какой результат? Почти нулевой – лишь несколько Удостоверений на рационализаторские предложения. И больше ничего. А все потому что этот упертый чудик был безнадежным бездарем.

А по настоящему одаренные люди мне встречались неоднократно. Например, был у меня аспирант Н. Фаерман, с которым мы разрабатывали открьлки для того самого подземного «крота», чтобы он мог проходить слабые грунты, плывуны. И каждый раз я поражался, как легко и непри-

нужденно рождались у него в голове удачные и изящные конструкторские идеи. Он буквально ими фонтанировал, тогда, как мне, ничего не удавалось придумать без усиленного напряжения всех своих художочных мозгов.

Но таланта тоже мало. Для того, чтобы быть знаменитым, надо этого очень хотеть. Честолюбие, тщеславие – главный локомотив движения к успеху. Я часто встречал незаурядных и одержимых своим делом людей, которые вообще не искали признания, известности, славы.

Тот же Натан Фаерман, хотя и поступил ко мне в заочную аспирантуру, но никакой диссертации не написал и кандидатом не стал. Впрочем и служебной карьеры не сделал, до самой пенсии оставаясь простым старшим инженером.

Знал я и незаурядных создателей прекрасных стихов и рассказов, вовсе не стремившихся их сделать достоянием чьих-либо глаз. Они допускались лишь ушам друзей и близких. Еще лет пятнадцать назад эти таланты писали, как говорят, «в стол», и редко кому-либо показывали свои творения.

Теперь, слава Богу, появился Интернет, куда можно запросто помещать любые тексты. Естественно, что в большинстве своем это – бездарная графоманищина.

Однако те предыдущие составляющие успеха остаются невостребованными, если нет главного – предприимчиво-

сти. Без способности привлекать к себе внимание, преодолеть трудности бытия, пробиваться сквозь толпу конкурентов-соперников обычно цель не достигается. Обязательно нужна многосторонняя настырная агрессивная реклама. Всесторонняя раскрутка достижений, даже если они и не очень значительны, – путь к известности.

Благо, когда алчущий признания индивид способен самостоятельно подшустриться пробраться в телевизор, газету, журнал, выступить на трибуне научной конференции, съезда партии, посветиться у рампы театра, на подмостках эстрады, цирка.

Помню, после спектакля московского театра «На Малой Бронной», гастролировавшего в городе, где я был в командировке, передо мной возникла забавная картинка. Еще не достигший тогда своей популярности Л. Дуров, выйдя из служебного входа местного театра, взывал к идущим по улице прохожим: «Вы знаете кто я? Я – артист Лев Дуров». И без всякого стеснения перечислял свои заслуги, звания, награды, почетные премии.

Однако все-таки лучше, когда претенденту на приобретение знаменитости, рекламу делает не он сам, а кто-то другой. Например, какой-нибудь экстравагантный ролик-клип или хвалебная (не хуже, если скандальная) статья некого театрального или литературного критика, особенно именитого.

Все это, конечно, надо организовывать, финансировать,

причем, многократно, усердно, настойчиво. Только тогда достигается успех и публичная известность.

вительству. Сидя на папиных плечах, я был выше всех, но мне все равно никак не удавалось на мавзолее Ленина достать глазами товарища Сталина. Его наглухо загораживала плотная ограда первомайских знамен и плакатов.

Но вдруг мне несказанно повезло – в просвете красно-белой завесы колыхавшихся по ветру полотен на балконе мавзолея мелькнул ряд серых костюмов вождей. И среди них четко вычленилась коренастая фигура генералиссимуса в форменном кителе и фуражке парадного белого цвета.

Я всем телом к нему потянулся и в восторге даже подпрыгнул. Мог бы и свалиться на землю, если бы папа не схватил меня крепко за ноги. Но это все было ерунда, главное, что я увидел великого вождя и учителя. Я изо всех сил напряг зрение и – ура, ура! Мы встретились с ним глазами, вождь приветливо мне улыбнулся, поднял руку и долго ею мне махал. Вот было здорово!

И все же я тогда не был удовлетворен полностью, так как сильно завидовал счастью черноволосой девочки таджички Мамлакат, обнимавшей Иосифа Виссарионовича на всюду красовавшихся цветастых картинах-плакатах.

В то время вообще со всех стен, как внутренних, так и наружных, за каждым гражданином СССР, кроме главных советских руководителей и начальников – членов ЦК, наркомов, комбригов, командующих – внимательно следили и зоркие глаза знаменитых писателей, ударников социалистического труда, стахановцев, выдающихся деятелей искусства.

Это хорошо укладывалось в многовековые православные традиции преданного властям русского народа. Стародавние иконы Христа, Богородицы и святых угодников теперь удачно замещались образами Чкалова, Водопьянова, Расковой, Гризодубовой и других «сталинских соколов», летавших к облакам, на Северный полюс и даже в стратосферу.

Не знаю, какими они все были героями, но с одним из них **Иваном Папаниным** позже я встречался, когда стал членом Всесоюзного географического общества, а он был его председателем. Этот обласканный Кремлем околонучный деятель («доктор наук», контр-адмирал, дважды герой Советского Союза и т. д., и т. п.) с кругозором фабричного завхоза тогда показался мне туповатым малообразованным мужиком, хотя и явным хитрованцем. Выправляли нам из-

вилины в мозгах и прямоточные лозунги типа «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство» или «Народ и партия едины». И вообще, разного рода призывы, напоминания, предупреждения постоянно сопровождали нас всегда и везде, даже в повседневном быту. Так, над входом в столовую нашего летнего детского сада крупные ядовито зеленые буквы строго указывали: «Мойте руки перед обедом», и на веранде, где мы возились, когда шел дождь, большой фанерный плакат учил, что: «Сморкаться надо только в платок!» А в папиной институтской столовой, куда мы зашли после той памятной демонстрации посетители ели оловянными ложками и вилками с грозной гравировкой «Украдено в Нарпите».

Шаляпин – Шелепин – Шеляпин

5 марта 1953 года утром на первой паре лекцию по железобетону нашему 3-му курсу читал доцент Шеляпин. Еще осенью, представляясь студентам, он пошутил:

– Мою фамилию легко запомнить. Я не оперный бас Шаляпин и не комсомольский вожак Шелепин. Я нечто совмещенное – Шеляпин.

Этот кентавр, надо отдать ему должное, классно вел занятия – говорил понятно, доходчиво, давал возможность записывать формулировки, подробно объяснял непонятные места. А, главное, зачеты принимал без лишней строгости и оценки ставил довольно либерально. Для меня, не очень-то утруждавшего себя домашними заготовками к экзаменационным матчам, такой вариант был весьма подходящим.

Вот почему в тот памятный для всей страны день, я сидел в большой 101-ой аудитории здания Московского Инженерно-Строительного Института (МИСИ им. В.В.Куйбышева) на Разгуляе и слушал лекцию доцента Шеляпина. Между прочим, от почти всех других преподавателей он отличился еще тем, что ни разу ни на одном своем занятии не упомянул имя великого русского ученого Ломоносова.

Это было удивительно, так как в те времена никакой новый курс лекций ни по какому предмету не начинался без упоминания этого великого родоначальника и основоположника всех на свете наук. Он оказывался первым создателем почти всего, что не открыли и не разработали другие русские ученые (например, Яблочкин, придумавший лампочку вместо Эдисона, Можайский, создавший самолет еще до братьев Райт или Попов, обошедший Маркони в изобретении радио). Станным казался нам тогда этот лектор Шеляпин. А тем утром он явно был в ударе – азартно объяснял рабо-

ту железобетонных балок под разными нагрузками, с увлечением рассказывал о конструкциях с предварительно напряженной арматурой. В обычно шумной аудитории на этот раз было тихо, все внимательно слушали лекцию, записывали в тетради формулировки и старательно срисовывали с доски схемы и диаграммы. Неожиданно, на самом интересном месте, минут за пятнадцать до звонка дверь в аудиторию открылась, и на пороге появилась Тоня Дмитриева – комсорг курса, девица, хотя и эмоциональная, но строгая и непререкаемая в суждениях. Однажды на одном из институтских митингов, посвященных 70-летию товарища Сталина, в конце своей пламенной речи эта комсомолка-комиссарка вошла в раж и воскликнула: – Да здравствует вождь всего прогрессивного человечества, отец и учитель мирового пролетариата, наш дорогой, великий товарищ Сталинчик! Теперь Дмитриева была подчеркнута серьезна, ее бледное до синевы лицо выражало глубокую печаль, тревогу, растерянность. Она открыла свой одетый в пурпурный коленкор блокнот с районной комсомольской конференции и низко склонила к нему голову. Потом после короткого молчания негромко произнесла страшную для всех нас фразу: – Сегодня после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни Председатель Совета Министров СССР, Секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин. Первое, что пришло в голову: всё, конец! Конец спокойной мирной жизни, конец

беззаботной студенческой лафе. Теперь снова начнется война, та третья мировая, которую до сих пор только благодаря Сталину не удавалось развязать поганым американским империалистам, западногерманским милитаристам и израильским сионистам. Сразу же загребут в армию, как когда-то на финскую и отечественную со второго курса забрали по «ворошиловскому призыву» моего дядю Лелю. Придется и мне идти воевать. Снова будет кровь, раны, госпитали, похоронки.

Я посмотрел вокруг. Все сидели с мрачными лицами, молчали, у девочек на глазах блестели слезы. Потом по мановению руки Тони Дмитриевой все в едином порыве поднялись со своих мест. Постояли минуту, две.

Затем Тоня снова махнула ладонью, все сели, насупившись, понурые. Горе, какое горе!

Но тут произошло нечто совершенно непонятное, не укладывавшееся ни в какие наши представления тех времен. Этот самый доцент Шеляпин помолчал немного, а потом, дождавшись пока за Тоней Дмитриевой закроется дверь, как ни в чем не бывало повернулся к доске и сказал:

– Да, вот так... Но давайте-ка продолжим рассмотрение консольных балок. Вернемся к методике расчета арматуры.

Мы недоуменно переглянулись, не зная даже как реагировать на такое невероятное кощунство. Как же так? Случилась катастрофа, мир перевернулся, перед всеми людьми на всей планете разверзлась пропасть, а этот Нешеляпин продолжа-

ет разглагольствовать о каких-то там своих консолях-кронштейнах. Как он может, как он смеет? Такая бестактность!

Но вдруг я краем глаза увидел: то один, то другой студент пододвинули к себе поближе конспекты и начали снова списывать с доски формулы и таблицы. А мой приятель Толя Мещанский даже засопел от усердия, перерисовывая схему распределения напряжений в поперечном сечении балки.

После окончания лекции, услышав на переменке, что я возмущаюсь поведением доцента, Толя глубокомысленно заметил:

– Ну, что ты от него хочешь? Он же беспартийный и вообще контра – поговаривают, в войну был в плену. Кроме того, и сам из буржуйской семьи.

Другого объяснения мы в ту пору найти не могли.

Как я не попал к тов. Сталину

Смерть главного вождя вызвала всеобщую растерянность и тревогу. Было очевидно, что предстоит ожесточенная борьба за власть. Ходили слухи, что место усопшего займет по наследству другой грузин – Берия. Недаром на похоронах он выступил с речью, в которой почти буквально повторил хрестоматийные слова Сталина, сказанные им в свое время у гроба Ленина. С тем же кавказским акцентом и с тем же пафосом Лаврентий Павлович произнес: «Нам завещал товарищ Сталин беречь, как зеницу ока...»

В газетах было опубликовано Постановление совместного заседания ЦК КПСС, Совмина СССР, Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось о необходимости «величайшей сплоченности руководства, недопущения

какого-либо разброда и паники».

Обращало также внимание, что, кроме назначения Маленкова Председателем Совмина, Ворошилова Председателем Президиума Верховного Совета и многих других важных назначений в этом Постановлении было и странное указание, «чтобы тов. Хрущев Н.С. сосредоточился на работе в ЦК КПСС».

Все газеты пестрели, как тогда было принято, почти одинаковыми заголовками:

«Величайшая сплоченность и единство»

«У гроба И.В.Сталина»

«Москва траурная»

«Бодр наш дух, непоколебима наша уверенность»

«Да живет и побеждает дело Сталина!»

Как полагается, тут же откликнулись и главные поэты страны, К.Симонов написал:

*Нет слов таких, чтоб ими передать
Всю нестерпимость боли и печали,
Нет слов, чтоб ими рассказать,
Как мы скорбим по Вас, товарищ Сталин!*

Нет, не нашел никаких иных слов и другой большой поэт А.Твардовский, он тут же рядом повторил почти абсолютно тоже самое:

В этот час величайшей печали

*Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду.*

А в нижнем правом углу «Правды» 7 марта 1953 года Комиссия по организации похорон товарища Сталина сообщила «для сведения всех организаций, что доступ в Колонный зал Дома Союзов открыт с 6 часов утра до 2-х часов ночи».

Вот эти последние строчки и послужили своеобразным сигналом к началу того массового психоза, который охватил тогда громадные толпы людей, ринувшихся посмотреть на того, кого при жизни они не только не могли видеть, но и слышали только по редким и не всегда приятным случаям. Об этом драматическом или даже трагическом эпизоде нашей истории, когда в давке погибли люди, уже много писалось, и я не стал бы еще раз касаться этой темы, если бы не одно очень яркое и очень личное воспоминание. В тот день, движимый тем самым стадным чувством, я со своими двумя школьными друзьями направился в сторону Колонного зала к гробу вождя и учителя. Наш энтузиазм сник на Страстном бульваре, откуда, колыхаясь из стороны в сторону, огромная многоцветная толпа медленно втекала в горловину Пушкинской улицы. Очень скоро движение совсем застопорилось. Мы потоптались какое-то время возле углового здания, а затем решили всех обмануть. Выбрались кое-как из толпы и рванули через арку во двор. Правда, вскоре нам стало ясно,

что таких умников было не намного меньше тех, кто шел к Сталину прямым путем. И все-таки нам удалось пересечь несколько наглухо отгороженных от улицы больших дворов и таким образом значительно приблизиться к цели. Но, увы, из последнего двора, находившегося почти рядом с Проездом Художественного театра, дальше хода уже не оказалось. Что оставалось делать, возвращаться обратно? И тут я увидел, что несколько каких-то находчивых ходоков взбирались по пожарной лестнице на крышу. Было очевидно, что они надеялись через чердак или по крыше оттуда пролезть к другой лестнице на противоположной стороне дома и уже по ней спуститься прямо к наружному подъезду. Вот он путь к Сталину!

«Не буду дураком» – сообразил я и последовал за умными и находчивыми. Подошел к лестнице и поставил ногу на первую ступеньку. Но потом поднял голову вверх, чтобы посмотреть, куда лезу, и тут замер от неожиданности. Сначала я даже не понял в чем дело: что-то ослепительно яркое резануло по глазам – прямо надо мной, в непосредственной близости (рукой можно было достать), из-под серого драпового пальто сверкнуло небесно-голубое пятно девичьих трусиков. Они плотно облегли круглые толстенькие бедра, к которым подбирались широкие розовые резинки, державшие на белых пуговках бежевые чулки. Взгляд магнитом тянулся туда, повыше, к пышным волнующим овалам, но было так неловко и стыдно, что я невольно отвел глаза, замер в нерешитель-

ности, а затем снял ногу со ступеньки лестницы и отошел в сторону... Так я и не попал к Сталину

Тайны кремлевского двора. Лёня Алилуев

В день смерти вождя народов Лёня Аллилуев в институт не приходил, не был он и на следующий день. Впрочем, он и раньше не очень-то часто посещал занятия, что, однако, не мешало ему всегда вовремя сдавать курсовые работы и на экзаменах получать твердые четверки.

Это был высокий стройный юноша с благородной породистой внешностью, красивым удлинённым лицом и мягкими зачесанными назад светло-каштановыми волосами. С самого первого дня учебы он мало общался с однокурсниками, ни с кем не заводил дружбы, был тихим и молчаливым. Никто о нем ничего не знал, известно было лишь, что он увлекается радиолобительством и что у него есть еще младший брат Володя, который тоже не попал учиться туда, куда хотел.

Только к третьему курсу Лёня как-то оттаял, стал более разговорчивым, контактным, сдружился с одним – двумя нашими сокурсниками. Наконец, он настолько перестал быть буквой, что даже дал себя уговорить предоставить свою квартиру для новогодней попойки. Оказалось, он был единственным из всей нашей группы, у кого дома в это время не было родителей («они в отъезде», – объяснил он).

Наступал 1953 год, и под лозунгом «Новый год с новыми девчонками» мы, нахватав где попало каких-то «чувих», поехали к Лёне. От метро «Библиотека Ленина» мы прошли по мосту через Москва-реку и подошли к возвышавшемуся справа на набережной огромному тяжеловесному зданию с многочисленными подъездами. Помню, я обратил тогда внимание на то, что в очень редких окнах этого дома горел свет. Это было странно – ведь наступала новогодняя ночь! «Вот сони», подумал я.

Лёня ждал нас на углу. Мы вошли в роскошный отделанный мрамором вестибюль, который вполне мог бы принадлежать какому-нибудь «Дворцу строителей», а не жилому дому. Потом поднялись в просторном лифте на пятый этаж и вошли вслед за Лёней в широкую прихожую, где стояла много-рожковая деревянная вешалка и висело зеркало в овальной золоченной раме.

Особое впечатление производила большая гостиная с круглой белой колонной посередине. Ее окружал широкий овальный кожаный диван, на котором, утомившись под утро, мы заснули вповалку крепким юношеским сном.

В этой комнате, где мы пировали прямо на полу, бросался в глаза большой прямоугольный портрет. На холсте маслом в полный рост была изображена стоящая вполоборота красивая стройная женщина в строгом вечернем платье.

В ту ночь мы и не подозревали, что, хотя и чуть-чуть, но очень опасно прикоснулись к одной из самых страшных тайн тогдашнего кремлевского Двора. Ведь в ту новогоднюю ночь мы побывали в том самом «Доме на набережной», который так ярко описал позже Ю. Трифонов, а женщина на том большом портрете была не кто иная, как та самая застрелившаяся Надежда Аллилуева, жена Сталина.

Наш однокурсник Лёня был ее родным племянником, и с братом Володей они сейчас жили одни потому, что их мать Анна Сергеевна по приказу своего замечательного зятя была отправлена в лагерь, откуда вышла только в 1954 году в психически нездоровом состоянии.

А отец Лёни, Станислав Францевич Реденс (кажется, из латышских стрелков), в прошлом видный деятель НКВД, еще раньше погиб в бериевских застенках. Такая же расправа, без сомнения, ждала и Лёню с братом, если бы не своевременное покровительство со стороны их всеильного то-

гда кузена Василия Сталина, который, как мы позже узнали, опекал братьев. И главное, конечно, если бы не своевременная кончина их великого родственничка, дяди Иосифа. Дальнейшая судьба Лёни Аллилуева ничем не примечательна и мало отличалась от судьбы других моих однокашников. Он окончил вместе со всеми институт, женился на девушке с нашего курса и попал по распределению на работу в институт Гидропроект. Там он и протрубил до самой пенсии, занимался проектированием гидротехнических металлоконструкций (затворов гидростанций, шлюзовых ворот и всяких других железных устройств). Некоторое время он работал в Египте на строительстве Асуанской гидроэлектростанции. В отличие от своего брата Володи, который позже написал воспоминания, Лёня никогда, нигде и никому не говорил о своем происхождении, о своих родителях. Не знаю, была ли это врожденная скрытность характера или заложенное с раннего детства неистребимое чувство страха.

За кожаной кепкой Лужкова

Мы шли на Поклонную гору. Именно шли, а не взбирались, так как той знаменитой возвышенности, откуда Наполеон когда-то обозревал сданную ему Кутузовым Москву, давно уже не существовало. Ее снесли в угаре урбанизаторского социалистического энтузиазма в точном соответствии с дерзкой гиперболой Маяковского: «А если Казбек поме-

шает – скрыть, все равно не видать в тумане».

Вместо горы перед нами простиралась плоская равнина с редкими рядами недавно посаженных худосочных деревьев – парк Победы. Широкие ступени вели к большой круглой площади, плотно одетой в бетон, камень и асфальт. В центре высилась трехгранная стела-штык. К ее верхней части бабочкой была прикреплена крылатая скульптура древнегреческой богини победы Ники, с ног которой свисали плохо различимые издали пухлощекие ангелы.

Стояла холодная слякотная осень. Туфли шлепали по грязной жиже мокрого снега. Я поскользнулся и чуть было не упал – под ногами блеснула черная зеркальная поверхность. Что это? Нет, это был не лед. Я внимательно пригляделся и увидел длинные широкие полосы гладко отшлифованных гранитных плит. Какие же они должны были быть дорогими! И неудобные для хождения по ним.

Но если бы дороговизна относилась только к ним – позже я узнал, что эти зачем-то полированные плиты были верхушкой «айсберга». Они служили только облицовкой гигантского железобетонного фундамента, стоявшего на толстых железобетонных сваях. На таком мощном ростверке мог бы прочно стоять целый небоскрёб. А тут...

Огромные деньги были здесь в буквальном смысле зарыты в землю еще при Брежневe. Бровастый генсек когда-то задумал именно здесь построить главный монумент страны, посвященный победе над Германией во Второй мировой войне.

А то как же? В Волгограде на Мамаевом кургане давно уже красовался грандиозный мемориал – «Родина-мать» скульптора Е.Вучетича. Подобные ему величественные памятники стояли в Белоруссии, на Украине, даже в самом Берлине в Трептовом парке.

А Москву обделили.

И к очередному юбилею окончания Великой Отечественной герой «Малой земли» решил исправить ту промашку, и вышло высочайшее Постановление. Вслед за этим заурчали на Поклонной экскаваторы и бульдозеры, застучали сваебойные станки, потекла бетонная смесь в арматурные каркасы фундаментной плиты.

Но потом вдруг грянула Перестройка, и все приостановилось. Вместо подъемных кранов, бетономешалок и сварочных станков закрутились вокруг будущего столичного мемориала разные архитектурные конкурсы, газетные статьи, общественные обсуждения, дискуссии. Что строить, зачем, почему? Так ничего и не решили. А потом и вовсе стало не до этого – начался развал государства, смена власти, рынок-базар, казна опустела.

Но вот пришел новый Хозяин и решил вопрос без лишней волокиты: строить! Сам строитель по образованию, Ельцин, наверно, поленился взглянуть на строительную часть проекта. Впрочем, если бы и взглянул, вряд ли понял нелепость совмещения разных архитектурных решений с одной и той же конструкцией фундамента.

Но дело было сделано. И теперь на мощных столбах-колоннах водрузилась огромная дуга помпезного Выставочного зала, а за ней купольный параллелепипед Центрального музея Великой Отечественной войны. По обе стороны колоннады на крыше вздыбились бронзовые кони с трубящими в горны всадниками – вестниками победы.

И вот мы шли к этому зданию. Мы – это пестрая толпа, свита главного мотора-двигателя всех столичных строек века Юрия Лужкова. Он шел впереди, выделяясь своей знаменитой кожаной кепочкой, предназначенной для олицетворе-

ния его неумолимой динамичности и близости к московскому плебсу.

Справа свиту возглавлял главный московский строитель **Владимир Ресин**. Хотя ростом он был выше своего шефа и отбрасывал более длинную тень, но, соблюдая субординацию, старался на всякий случай всегда оставаться в тени начальства. Слева вышагивал главный придворный художник и скульптор одиозный лужковский любимец **Зураб Церетели**. Если его творческие возможности у московской интеллигенции вызывали серьезные сомнения, то по поводу деловых качеств Зураба Константиновича мнение было однозначно: «Силен, бродяга!». Приехав в Москву никому неизвестным живописцем средней руки, он быстро ее оседлал и создал свой «Международный центр дизайна». В очень короткий срок это предприятие превратилось в целую промышленную империю со своими мастерскими, полигонами, заводами. Теперь Церетели оттирал конкурентов скульпторов-монументалистов почти от всех лужковских архитектурных затей. Он никого не подпустил ни к торговому центру «Охотный ряд» на Манежной площади, ни к фасадам храма Христа Спасителя. Апогеем его соцреалистического циклопизма был гигантский Петр Великий, изуродовавший тихую романтическую речную стрелку Обводного канала и Яузы. Поговаривали, что у этого Петра своей была только голова. А все остальное полностью взято у Колумба, которым Церетели хотел осчастливить Америку к 500-летию ее

открытия. Но та вовремя благоразумно отказалась. Коньком Церетели были кони. И здесь, на Поклонной горе, он не ограничился конниками-трубачами на фронтоне здания музея. У подошвы главного монумента он установил конную статую Георгия Победоносца, нанизывающего на копье кусок Змия, порезанного ломтями, как батон колбасы. Каждую субботу Лужков приезжал с инспекцией на Поклонную гору, обходил стройплощадку, собирал дежурные совещания, где давал разгон строителям, монтажникам, сантехникам, декораторам.

В этот раз на ковер был вызван сам Госстрой России, хозяином которого не так давно был опальный Ельцин. Нынешний строительный Министр РФ отличался от того несолидной мелкотой тела, худобой, ненужной интеллигентностью и излишней тонкостью ума.

Первым на совещании рассматривался проект вечернего освещения мемориала. Особое внимание привлекла подсветка главного монумента. Предполагалось, что в ночном небе, имитируя поиск вражеских самолетов, будут шарить три ярких прожекторных луча. Периодически скрещиваясь на разных высотах, они то выхватят из темноты висящую на крыльях богиню Нику, то проскользнут по рельефным надписям на плоских гранях монумента.

Для закупки специальных прожекторов представитель «Светосервиса» запросил 100 тысяч долларов. Это вызвало возражение щепетильного председателя Госстроя:

– Зачем тратить такие большие деньги? – сказал он. – Не дешевле ли пригнать к монументу армейские осветительные машины? И выглядеть это будет естественнее, ближе к условиям 1941 года.

Однако другой строительный Министр, из правительства Москвы, В.Ресин пренебрежительно отмахнулся:

– О чем разговор, разве это деньги? Найдем. Выделим.

Вот так в той поникшей российской государственности разнились представления о ценах у разных ветвей власти. Центральная становилась все беднее и слабее, а региональная, тем более, столичная, богатела и наглела.

Второй вопрос на совещании был мой. Я повесил чертеж и показал, какие беды ждут мемориал, если сейчас же не взяться за осушение территории, сильно подтопленной подземными водами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.